

12+

Райнер Мария Рильке
Мне легко только с богом...

Цветник духовный

Райнер Рильке

Мне легко только с богом...
Цветник духовный

«Издательские решения»

Рильке Р. М.

Мне легко только с богом... Цветник духовный / Р. М. Рильке —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641092-3

Тексты этого сборника-цветника подобраны таким образом, чтобы передать читателю дух послания раннего, «весеннего» Рильке — вестника с ангельским взором, духовидца с сердцем св. Франциска. Книга задумана как тетрадь-мозаика с «зарисовками» и «этюдами» поэта, взятыми из его сочинений, дневников и писем. Часть из них публикуется в русском переводе впервые. Подборка украшена рисунками, которые словно сошли с полотен Эль Греко и удивительным образом оказались созвучными духовным озарениям Рильке.

ISBN 978-5-00-641092-3

© Рильке Р. М.
© Издательские решения

Содержание

«Скажи, так в чём твой труд, поэт? – Я славлю...»	6
Ангел Мария Рильке	8
От составителя и переводчика	9
Мне легко только с богом...	10
И вижу я причины всех вещей...	10
Освободить людей от страха...	10
Молитва к Жизни	11
И да воспряну я духом...	12
«...силы мои – изваяние дня...»	12
Мгновения творчества	12
И вижу я причины всех вещей...	13
Настоящий рост происходит безмолвно...	13
Соблазнившись детскими играми...	13
Любовь к простым вещам	13
Весна, аист, лунные ночи...	14
Женский опыт творца	14
Не на свету	14
Как он сиял перед Богом...	15
В восходящем соке	15
Цветок-колокольчик	15
Подруги детства	16
Анютины глазки	16
Почти как закипающее молоко...	16
Деревья миндаля в цвету	16
Кипарис и алтарные подсвечники... смоковниц	17
На тропинках так много улиток	17
Будда Соловьиных распево	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мне легко только с богом...

Цветник духовный

Райнер Мария Рильке

Переводчик Владислав Васильевич Цылёв

Иллюстратор Владислав Васильевич Цылёв

Составитель Владислав Васильевич Цылёв

© Райнер Мария Рильке, 2025

© Владислав Васильевич Цылёв, перевод, 2025

© Владислав Васильевич Цылёв, иллюстрации, 2025

© Владислав Васильевич Цылёв, составитель, 2025

ISBN 978-5-0064-1092-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Скажи, так в чём твой труд, поэт? – Я славлю...»

*Скажи, так в чём твой труд, поэт? – Я славлю.
Но как смирять смерть – какой скрижалю?
Как груз чудовищный несёшь? – Я славлю.
Но как зовёшь к сокрытому за далью —
К той тайне, что без имени? – Я славлю.
Ты многолик, но как бы не был явлен,
Откуда дар твой правдой быть? – Я славлю.
Ты с тишиной един, со страстью сплавлен:
Звезда и шторм ты? – Потому что славлю.*

Р. М. Рильке

Р. М. Рильке, фрагмент фотографии начала XX века.

Ангел Мария Рильке

Слово о поэте и вестнике

Этот мир, увиденный уже не глазами человека, но ангельским взором, возможно, и есть моя настоящая жизненная задача.

Р. М. Рильке

Предлагаемая книга вдохновлена провидческими озарениями раннего, экзальтированного Рильке, полного пробуждения и весны, «белокурой юности» и восходящих творческих соков, и задумана как тетрадь с «зарисовками» и «этюдами» поэта, в которых он предстаёт не только как художник слова, но и как духовидец с ангельским взором, провозвестник нового мирового сезона – преизобильного, плодоносящего Лета, которое грядёт на смену праздничной Весны, пережитой когда-то человечеством.

Сборник включает фрагменты из «Флорентийского дневника», «Часослова», и некоторых других сочинений поэта, а также многочисленные выдержки из его писем, преимущественно довоенной поры, и местами представляет собой причудливую мозаику текстов, из которой каждый читатель может извлечь свои собственные смыслы и свой собственный сюжет. К примеру, несмотря на то, что Рильке не придерживался каких-то определённых религиозных убеждений, по интонации одни этюды невольно вызывают в памяти... душеспасительные «цветочки» святого Франциска, а другие так и хочется сравнить... с нравоучениями августинского исповедника.

Перелистывая эту тетрадь, не следует думать, что овеванный мечтательной нежностью и целомудренной прохладой Рильке уже в готовом виде появился на свет в качестве поэта и словно вечно цветущий юноша с вьющимися волосами только что сошёл к нам с восхитительных полотен эпохи Возрождения.

Мы знаем и другого Рильке, – подобного слабому цветку, прихваченному весенними заморозками: отчаявшегося и потерянного, без какого либо духовного ориентира в жизни, «мертвеца в заброшенном склепе», «блудного сына», шатающегося по уродливым закоулкам Парижа, а ещё как отвернувшегося от мира, замкнувшегося в себе творца – с «сердцем, превратившемся в лёд», – молчальника военной поры.

Важно отметить, что несмотря на столь противоречивые душевные переживания поэта, которые постоянно обострялись на фоне его вечно неустроенной жизни, он ни разу не изменил себе и стойко продолжал «путь тех, кто жил по велению сердца» – более того, в неустанном и дерзновенном преодолении себя, он нашёл в себе силы для такого внутреннего преображения, что смог пережить и Весну, чтобы войти в Лето, чью великую славу он и был призван провозгласить. Разве, к примеру, «Сонеты к Орфею», снизошедшие на позднего Рильке, обретшего в замке Мюзот совершенное единство с собой и ступившего в мир «с чашей хвалебной, полной плодов», не говорят нам красноречиво об этом? А потому, читая даже раннего Рильке, самозабвенно воспевающего свою богоизбранность¹, не приходится сомневаться в убедительной достоверности его слов:

«...я <...> черпал красоту блаженными руками; у меня ее в избытке, чтобы воздвигнуть горы сокровищ перед Тобой и собой, чтобы нас невозможно было увидеть, кто бы там ни был рядом...»

¹ Речь идёт о «Флорентийском дневнике» поэта, который он написал под впечатлением своего пребывания в Италии и подал его так, чтобы «вырасти» в глазах Лу Саломе, своей любовной избранницы, которую он боготворил и с которой к тому времени у него разладились отношения. Однако, это были только внешний повод, истинным движущим мотивом к созданию этого дневника была попытка «прочтения» поэтом самого себя.

От составителя и переводчика

Этот сборник ни в коем случае не претендует на то, чтобы уподобиться хрестоматии, посвящённой Рильке. Содержательно мне хотелось, не перегружая книгу текстами, передать в ней дух послания раннего Рильке, а по форме – чтобы подборка получилась живой, ненавязчивой, приглашающей читателя к внутренней беседе с поэтом.

При выборе материала я отдавал предпочтение весенним настроениям Рильке, а если тема оказывалась серьёзной и многостраничной, то не слишком затягивать сюжет.

Среди представленных «зарисовок» и «этюдов» читатель обнаружит немало фрагментов, впервые представленных в русском переводе. Главным образом, это касается выдержек из писем поэта.

Все тексты в книге даны в моём переводе, за исключением нескольких стихотворений Рильке из его цикла «Часослов», которые приводятся в переложении поэта и переводчика Юлиана Анисимова (1886—1940).

Все иллюстрации выполнены мной на основе шедевриальных, мистически «настроенных» полотен Эль Греко (1541—1614), экспрессионистский стиль которого опередил своё время и, на мой взгляд, оказался удивительным образом «созвучен» духовным исканиям и прозрениям Рильке.

На обложке книги представлен фрагмент фотографии, на которой запечатлён Райнер Мария Рильке во время своего путешествия по России в 1900 году. Несмотря на усталость от долгого пути и не самое лучшее качество снимка, на лице поэта читается романтическое восхищение от увиденного.

В заключение, хотелось бы отметить, что предлагаемая книга-тетрадь, конечно же, нуждается в продолжении. Объём лирического и эпистолярного наследия Рильке настолько велик (перу поэта одних только писем принадлежит более двадцати тысяч!), что его хватит не на одно поколение переводчиков, вдохновлённых творчеством этого величайшего лирика XX века.

Мне легко только с богом...

Три поколения людей постоянно сменяют друг друга. Первое находит бога, второе воздвигает над ним тесный храм и тем самым приковывает бога к себе, а третье скатывается в нищету и растаскивает камень за камнем здание бога, чтобы наспех построить свои жалкие хижинки. И тогда наступает время тех, кто вынужден снова искать бога...

Р. М. Рильке, «Флорентийский дневник»

И я пришел к Тебе, полный будущего.

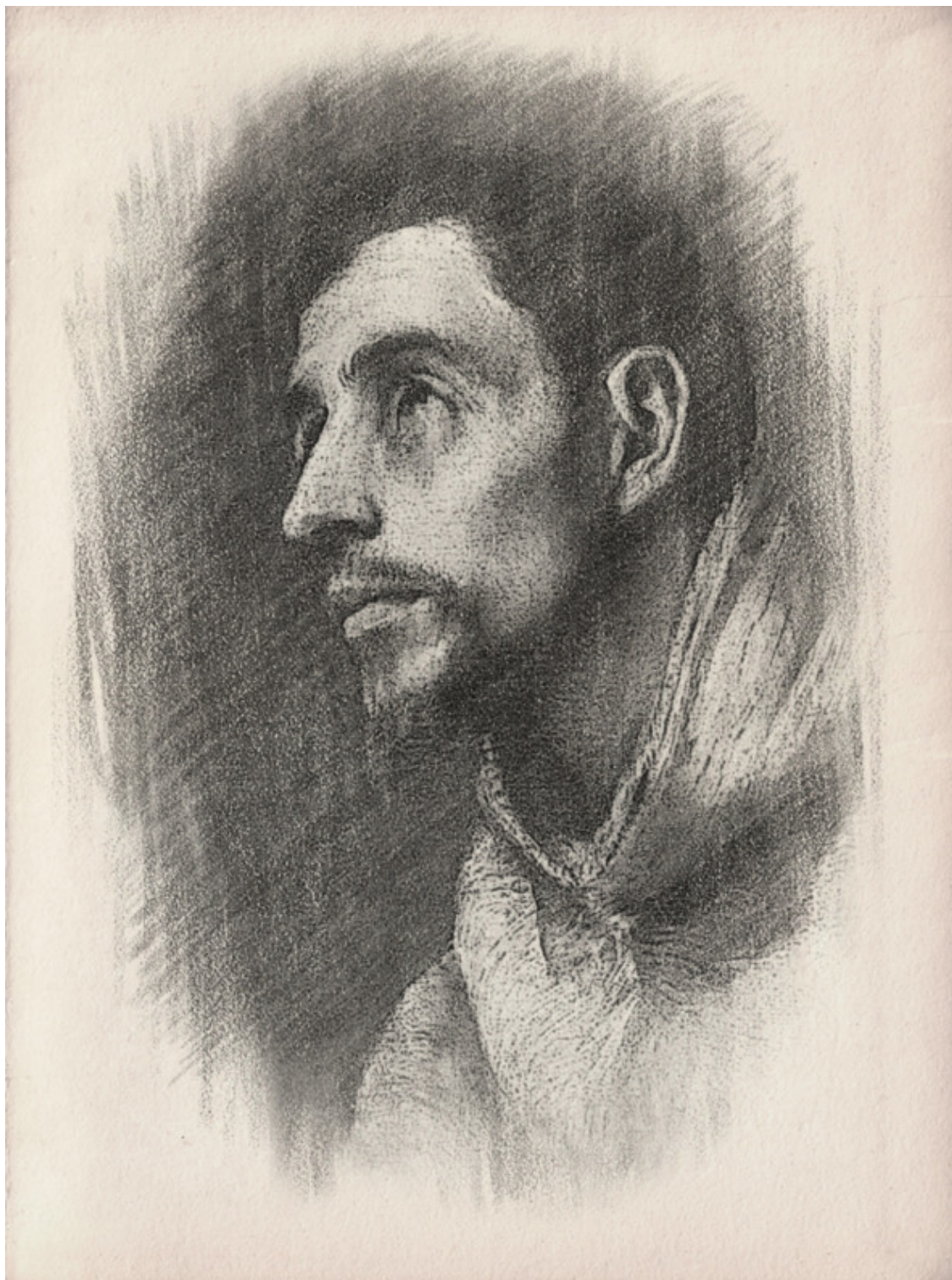
Р. М. Рильке, «Флорентийский дневник»

И вижу я причины всех вещей...

Освободить людей от страха...

«Флорентийский дневник»

...я знаю, что во мне таится <...> невиданная просветлённость, дарующая моему языку и силу, и преизобилие образов. Временами я ловлю себя на мысли, что с изумлением прислушиваюсь к себе и извлекаю уроки из своих собственных слов. Во мне пробуждается какое-то сокровенное существо, которое жаждет достучаться до людей, вырываясь за пределы этих стран, за пределы дорогих моему сердцу напевов, за пределы всех моих устремлений. Словно мне предначертано говорить, здесь и сейчас, в момент силы и ясности, когда из меня исходит нечто большее, чем я сам – мое блаженство. Словно мне надлежит обратить всех колеблющихся и сомневающихся, ибо во мне больше убедительной силы, чем могут вместить все мои слова, и я хотел бы применить эту силу для избавления людей от того чужеродного страха, из которого изошёл сам.

Эль Греко, *Святой Франциск в экстазе*, фрагмент

Молитва к Жизни

«Флорентийский дневник»

Это было удивительное воскресенье. Сокровенный для меня день. <...> Я даже смог запечатлеть на этих страницах то, что с давних пор так горячо вынашивал: жажду исповеди, ясность и дерзновение. <...> Всё мне казалось созревшим [в тот день] для настоящего празд-

ника. <...> словно из *единого* источника испил я все чувства и радости, и печали и был готов для благодарного причащения. И я опустился на колени посреди вечернего зарева, которое, отражаясь от высоких стен моей комнаты, разгоралось в ней, словно золотиносный рудник. И в трепете моего молчания зазвучала глубоко взволнованная молитва к священной жизни, к которой я был так близок в отдохновенные часы своего творчества. И да буду я достоин войти в её свершения с преданностью и доверием, чтобы моя радость стала частицей её великолепия, а страдания – великими и плодотворными, подобными благословенному плачу её весенних дней. И да снизойдёт на меня примирение, которое пребывает над всеми её творениями подобно сиянию, исходящему от вечно равностного, вечно дарующего солнца, и чтобы я, озарённый этим тихим светом, смог направить свой путь к СЕБЕ: я, пилигрим, к тому СЕБЕ, кто есть Царь и кому от века уготованы царство роз и венец лета посреди [торжествующей] жизни.

И да воспряну я духом...

И да воспряну я духом и возвышусь могуче над мимолётными страхами дня и над всеми муками ночи. И да свершится то, что теснится во мне как предназначение. И когда я исполню его, пусть я почувствую, что становлюсь безмерно богаче, безмерно просторнее, преисполненным высокой, самоотверженной гордости.

«...СИЛЫ МОИ – ИЗВАЯНИЕ ДНЯ...»

Из цикла «Часослов»

*Склоняется час и чеканит меня:
Чеканный и ясный удар;
И силы мои – изваяние дня
Покорно приносит мне в дар.*

*Я мир неоконченным, смутным узнал,
Началам движенья нет.
Мои взоры созрели и каждый взял
В невесты – любой предмет.*

*Ничтожное даже, любя, впишу
Великим в червлёный щит
И подъямлю высоко – и как скажу
Чью душу оно разрешит?*

перевод Ю. Анисимова

Мгновения творчества

«Флорентийский дневник»

В подобные дни отдохновения я начинаю ясно ощущать, как с вещей спадают покровы, как все вокруг становится доверчивым и забывает о притворстве. Мгновения творчества похожи на сумерки после знойных летних дней. Все вещи становятся похожими на молодёжных девушек, белых и тихих, с улыбочивой грустью. Пока они вдруг не прильнут к вам со странной, порывистой нежностью, не затрепещут, как убегающие лани, и не заплачут, как дети

во сне: где-то в глубине себя, жалобно и задыхаясь. Как будто говоря: «О, мы на самом деле не те, кем мы кажемся. Мы солгали. Простите нас». И тогда вы протягиваете к ним свои прохладные руки, сострадательные и всезнающие, и нежно гладите ими их головы.

И вижу я причины всех вещей...

«Флорентийский дневник»

Это длится всего лишь мгновение, но в его проблеске я заглядываю в глубины земли. И открываются мне причины всех вещей, которые подобны корням раскидистых деревьев, с шумящими кронами. И вижу, как все они тянутся друг к другу и обнимают друг друга, как братья. И все они пьют из единого источника.

Это длится всего лишь мгновение, но в его проблеске я заглядываю высоко в небеса. И открываются мне звезды, которые распускаются на этих шелестящих деревьях, как тихие, улыбающиеся цветы. И они качаются и машут друг другу, и знают, что единая глубина дарит им благоухание и сладость.

Это длится всего лишь мгновение, но в его проблеске я заглядываю в самые далекие уголки земли. И вижу, что люди – это крепкие и одинокие стволы, которые, как широко раскинутые мосты, поднимаются от корней к цветам и спокойно и радостно возносят сок к солнцу.

Настоящий рост происходит безмолвно...

Карлу и Элизабет фон дер Хейдт, 21 февраля 1907 г.

Этот [мой] единственный опыт, подтверждаемый снова и снова, к которому я медленно продвигался после тревожного, сильно затянувшегося детства, заключается в том, что настоящий рост в моей жизни не может быть вызван насильно, что он происходит безмолвно, и что я занят им, когда спокойно и вдохновенно работаю над вещами, которые я в самом глубоком смысле признал своими задачами.

Соблазнившись детскими играми...

«Флорентийский дневник»

А ведь и я был похож на ребенка, который ради смертельно больной сестрѐнки бежит из глухой деревушки сквозь ночь и ненастье в город за лекарством, а солнечным утром, соблазнившись детскими играми, забывает о том, зачем он предпринял свой путь и весело возвращается домой без жизненно важной помощи... Эта веселость вскоре сменится плачем, а за ним придет и отчаяние: так было и со мной.

Любовь к простым вещам

Францу Ксаверу Каппусу, 16 июля 1903 г.

Если вы прильнете к природе, к простым вещам в ней, к мелочам, которые никто не замечает, и которые могут внезапно проявиться как великие и необъятные; если у вас возникнет эта любовь к мелочам, и вы, просто как слуга, попытаетесь завоевать доверие того, что кажется бедным – тогда все станет легче для вас, более единым и каким-то более примирительным, – не в вашем уме, который, возможно, останется ошеломлённым, а в вашем сокровенном существе, в вашем бодрствовании и в вашем знании.

Весна, аист, лунные ночи...

*Стоит только даже малейшему птичьему голосу на воле
растревожить меня, как я молю Бога, чтобы [поскорей] наступила
весна, и я всеми чувствами устремился к природе...*

*Р. М. Рильке, из письма Марии фон Турн-унд-Таксис,
17 декабря 1912 г.*

...

Оскар Цвинчеру, 24 апреля 1902 г.

...Ах, вот и наступила весна, и на этот раз, поскольку мы наблюдаем, как из-под наших рук распускается маленький садик, мы ощущаем какое-то необычайное породнение с ним. Тюльпаны и нарциссы, рядом с крупным пионом, уже всю подрастают, две небольшие беседки уже увешаны веточками юных берез, как зелеными кружевными вуалями, и уже всходят несколько высокоствольных роз, о чем невозможно забыть, и что ощущается как самое восхитительное обещание.

На крыше соседей недавно появился аист, и тщательное исследование крыши, которым он занимался, позволяет надеяться, что он подумывает там поселиться – это, естественно, доставило бы всем нам огромную радость.

Как же прекрасна здешняя весна в своем приходе. Поутру рассвет оглашается тысячами птичьих голосов, а вечера становятся глубже с первыми звуками соловья, которые ещё больше подчеркивают тишину и наполняют её предчувствиями. А лунные ночи необычайно светлы, и если они темнеют, то начинается дождь: нежный, мягкий и теплый, – беспечный, как сон, и в то же время полный сокровенных событий...

Женский опыт творца

Одной молодой женщине, 20 ноября 1904 г.

Самый глубокий опыт художника-творца – женский, потому что это опыт зачатия и рождения. Поэт Обстфельдер² однажды написал, вспоминая лицо незнакомца: «Когда он начал говорить, в нем как будто поселилась женщина». Мне кажется, что каждый поэт испытывал подобный опыт, когда начинал произносить своё слово.

Не на свету

*Марии фон Турн-унд-Таксис,
6 апреля 1912 г.*

Вам ведь наверняка особенно знакома эта картина: небо, затянутое вечерней дымкой, зеленеющий луг и деревья, цветущие наполовину на его фоне, наполовину в сером, безмолвном воздухе? Для меня это одно из самых незабываемых явлений: деревья, цветущие без солнца в предощущении дождя, и отдельные птичьи крики, предсказывающие, каким он будет. О,

² Сигбьерн Обстфельдер (1866—1900) широко известен как первый норвежский поэт-модернист. Многие считают его поэзию литературным аналогом экспрессионистского искусства Эдварда Мунка. Одухотворённые мотивы Обстфельдера, окрашенные тревогой, одиночеством и отчуждением, послужили источником вдохновения для Райнера Марии Рильке во время его работы над «Записками Мальте Лауридса Бригге».

если бы я только мог снова почувствовать себя наедине с собой так, как это случается в природе: пусть не на свету, но тихим и будущим.

Как он сиял перед Богом...

*Няне Вундерли- Фолькарт,
24 февраля 1920 г.*

Вот уже и раздался – прибавивший в силах, нараспев из самой души, – один из тех сокровенных птичьих голосов, который на фоне всех остальных зазвучал как поэма, превзошедшая несколько строф: как он сиял перед Богом, – наконец-таки это свершилось, наконец, – сколько в нём было уверенности, как будто он был слит воедино с собой, песня-бутон, еще не успевший толком окраситься звуком, но уже осознающий свою неудержимый прилив – ещё до прихода блаженства, ещё до прихода тревог. А скорее всего, тревога была уже полностью в нём, та всеобщая боль существа, которую невозможно от себя отделить и которая так же проста [и невинна], как и запредельное блаженство, которое нельзя ничем умалить.

В восходящем соке

*Мариш фон Турн-унд-Таксис,
2 марта 1912 г.*

...мы находимся в царстве тумана, он как по волшебству на сцене задымился недавно в один из самых ярких солнечных дней, и с тех пор все очертания растворились, где-то в непроглядной дали гудят корабли, пугая друг друга, только ближайшие баржи улавливают парусами рассеянный свет и перед тем как исчезнуть выглядят словно призраки в смутном сером пространстве. То и дело филигранно и мягко прорисовывается набегающий дождик, и на его фоне над неподвижностью дней сад потихоньку покрывается зеленью, жёлтые сдвоенные нарциссы на поспешно согнутых стеблях с любопытством пробиваются к свету, а на всех обнажённых кустах начинает проступать утонченная и яркая работа, которая была задумана и подготовлена в восходящем соке.

Сорняки выдернуты, законные саженцы роз стоят одни в тепло-коричневой, задумчивой почве, и достаточно увидеть склонившегося над ними садовника, чтобы почувствовать умиление, как будто то простое, трудолюбивое дело, которое он совершает, должно быть признано и вознаграждено где-то в Едином, как будто и там что-то должно быть поставлено на своё место, привито, подвязано.

Цветок-колокольчик

Графине Марго Сиццо, 12 апреля 1923 г.

Анемоны! Интересно, что вы о них думаете...

В прошлом году кто-то сказал мне, что этот пушистый цветок паски³ темно-лилового цвета растет только в швейцарском кантоне Вале. Я охотно поверил услышанному, так как, должен признаться, не очень сведущ в ботанике. Но сегодня мимо проходил человек, который пренебрежительно назвал этот маленький колокольчик «коровьим» и даже «кухаркиным» и уверил меня, что он самый что ни на есть распространенный⁴. Сам по себе этот факт несколько

³ сон-трава семейства лютиковых

⁴ в оригинале: «que c'était tout ce qu'il y a de plus commun»

не умаляет красоты цветка, но все же я невольно задумался: в том необычном виде, в каком он появляется здесь, как первый [весенний] росток на скалистой поверхности, окутанный заботой своего серебристого меха, который защищает его от любых непогод, он действительно кажется редким и благородным.

А вам он встречался?

Подруги детства

Испанская тетрадь, 1913 г.

У ручья я нарвал болотных ноготков, почти зелёных, с легкой свежей желтизной, нарисованной на чашечке буквально в последний момент. Внутри, вокруг тычинок, – круг, пропитанный маслом, как будто они маслом питались. Зелёный запах – от трубчатых стеблей. А на руке – следы от всего этого как знак породнения. Подруги, давние подруги детства, с их горячими ладошками, – неужели это так тронуло меня?

Анютины глазки

Мариш фон Турн-унд-Таксис, 17 февраля 1921 г.

Эта вечная близость весны будоражит меня до замешательства: маргаритки и [ковровый покров из] яснотки⁵ не прерывают своего цветения ни на минуту, – а на днях в Цюрихе, в Бауро-Лак⁶, я увидел, как крупные анютины глазки высовываются из клумб, укрытых еловыми ветками, совершенно отдохнувшие и бодрые, как дети, которые выпалились и больше не хотят оставаться в постели.

Почти как закипающее молоко...

Матильде Фолмёллер, 25 апреля 1911 г.

...всё налаживается в такие прибывающие дни, деревья идут в рост – взалёб, стремительно, – почти как закипающее молоко, стоит только ненадолго зазеваться. <...> мне кажется, что в мире давно не было весны, настолько бурной, что от одного дыхания всей этой зелени воздух становится вдвойне опьяняющим.

Деревья миндаля в цвету

Магде фон Гаттингберг, 9 февраля 1914 г.

Деревья миндаля в цвету: все, что мы можем сделать здесь, – это узнать себя без остатка в земном обличье. Я бесконечно дивлюсь вам, благословенные, вашему нраву, как вы носите нежный наряд в вечном смысле. О, кто бы знал, как расцвести: его сердце оказалось бы выше всех преходящих опасностей и полно веры в великое.

⁵ глухая крапива

⁶ Baug au Lac – отель с видом на озеро Цюрих и Альпы, расположен в самом центре Цюриха

Кипарис и алтарные подсвечники... смоковниц

Лу Андреас-Саломе, 15 апреля 1904 г.

Здесь, в огромном саду, стало необычайно красиво, хотя в нём еще мало что цветёт, ведь то что свойственно римской природе [на пике расцвета], пожалуй, слишком громогласно, слишком напористо, чтобы называться весной. Даже эти луга, полные анемонов и маргариток, слишком густые, слишком тяжелые, слишком плотно сплетенные, а в небе совсем не наблюдается тех серых дней за еще пустыми деревьями, тех широких, преобразующих ветров и мягко падающих дождей, которые для меня являются глубиной всей весны. Увы, это весна для иностранцев, у которых мало времени, – очевидная, шумная, преувеличенная. Но все же в саду есть дерево, которое могло бы стоять и на тосканской сцене: в старом монастыре высится высокий старый кипарис, весь переплетенный шлейфом глициний, которые сейчас распускают свои светлые сине-фиолетовые подвески, поднимаясь и ниспадая повсюду, вплоть до самого верха, – прямо из темноты дерева; вот это – радость. А ещё великолепные смоковницы, похожие на алтарные подсвечники из Ветхого Завета, стоящие здесь с изогнутыми вверх ветвями и медленно раскрывающие свои светло-зеленые листья.

На тропинках так много улиток

Кларе Рильке, 5 июня 1902 г.

Сегодня – впервые – пасмурное небо и небольшой дождь. Парк прекрасен. Особенно восхитительно стоять у одного из просторных окон обеденного зала. Из него видны высокие участки газонов, которые буйно разрастаются и уже настолько поднялись, что несколько кустиков роз почти исчезают в зелёных потоках. На этих газонах растут два бесконечно красивых цветущих дерева, похожих на яблони. Их называют Crataegus (богатырь без шипов)⁷; я не знаю, что это такое, но, во всяком случае, они не покажутся вам незнакомыми. В остальном, когда я гуляю по саду, я всегда с удовольствием узнаю тот или иной цветок или куст, который вы назвали в мою честь. Самыми красивыми являются дорожки вдоль крепостного рва. Там и сейчас высятся вековые каштаны, сложенные как горы, с ветвями до самой земли и целым миром теней под тысячей рук своих листьев. Они уже вовсю расцветают. И просто удивительно, насколько равномерно, с ритмическим интервалом, их цветочные конусы поднимаются к самым высоким ветвям. Днём здесь всё слишком зелено, но недавно вечером, около десяти тридцати (ещё были сумерки), эти старые деревья походили на тёмные мантии с расшитыми, регулярно повторяющимися узорами. Белизна цветов выглядела удивительно загадочной: иногда одна из цветочных пирамидок становилась похожа на поднятые, сложенные вместе руки, выглядывающие из-под тёмного плаща. К сожалению, мутный ров, заросший травой, не отражал этих чудесных деревьев. Сирень и рододендроны здесь тоже поднимаются на немалую высоту – на вековых кустах, которые вдруг обильно расцветают где-то на древесных макушках. Азалии телесного цвета источают свой аромат, а у магнолий уже появились листья рядом с огромными цветами, похожими на кувшинки. А ещё я сегодня обнаружил высоченное дерево, покрытое широкими прохладно-зелёными листьями и странными серебристо-серыми нераскрывшимися почками, которые выглядели очень величаво. Я предполагаю, что это ореховое дерево... но я не очень часто бываю в этом саду, потому что от жары он тяжелеет, а то, что он затворён дамбой, навевает на меня какую-то тягостную тоску. Кроме того, на тропинках

⁷ Боярышник

попадает так много чёрных, бездомных древесных улиток, что ходишь в постоянном страхе раздавить одну из них.

Будда Соловьиных распевов

Кларе Рильке, 3 мая 1906 г.

<...> В нашем саду не только не услышишь ни одного соловья, здесь нет даже намёка на присутствие птиц; возможно, из-за охотников, которые заявляются сюда каждое воскресенье; но иногда среди ночи я просыпаюсь от [странного] зова, зова, доносящегося откуда-то из низины в долине, зова, исходящего от всей полноты сердца....

Этот сладостно восходящий голос, который, разливаясь, не перестаёт нарастать, подобен какому то совершенному существу, переходящему в голос, в котором и форма, и жесты его, и руки, и лик – всё превращается в голос, ночной, восхитительный, заклинаящий голос. Порою откуда-то издалека сама тишина доносит его к моему окну, и мой слух тогда поглощает его и медленно втягивает в комнату, и через ложе – в меня.

<...> А вчера я обнаружил их всех – соловьев – и смиренно, облачённый в вуаль ночного ветра прошёл мимо них, – о, нет, среди них – как сквозь сонмы поющих ангелов, которые то и дело слегка расступались, казалось, чтобы меня пропустить: но затем они снова теснились передо мной и снова сходились за мной. И я слышал их до невозможности близко. Именно там я нашёл их: во всех этих старых, заброшенных парках (и в том самом из них – с прекраснейшим домом, стены которого так медленно разрушались, будто орудия времени были нацелены прямо на них; и в том, что перерезан был пополам железной дорогой и выставлял напоказ свои внутренности, как лопнувший фрукт, изрядно увядший и покрытый весь плесенью; и чуть дальше – в густой парковой чаще), а также за ними и выше – в закрытых садах Оранжереи. А с другой стороны трели разносились над старинными стенами Ратуши, а потом возникали вдруг рядом со мной – из зарослей дремучего сада, что утопал за живыми изгородями в объятьях сирени: эти трели были так различимы и в тоже время так тесно сплетались с кущами этого сада, погружённого в себя в ночном полумраке, словно на картине из кружева едва узнаваемо было очертание птицы, сотканной из тех же узорчатых нитей, которые запечатлевают и цветы, и листву, и убранство восхитительной роскоши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.